

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 316.356.2

DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-168-177

Поступила в редакцию 27.10.2017

Received 27.10.2017

Н. А. Сосновская

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Одной из наиболее острых проблем современности являются кризисные явления в институте семьи, связанные с ослаблением ее базовых функций – воспроизводства и первичной социализации. Являясь следствием доминирующего образа жизни индивида в условиях современного постиндустриального общества, происходящие с семьей процессы на теоретическом уровне осмысливаются посредством методологии, сформировавшейся в рамках более статичного индустриального общества. Целью исследования являются систематизация имеющихся теоретических подходов и обоснование концептуальной схемы, в основу которой положен синтез аксиологически-нормативного понимания социального института Т. Парсонса и представление об институционализации П. Бергера и Т. Лукмана. В результате анализа имеющихся подходов показано, что большинство исследований института семьи основывается на структурно-функциональном подходе в его советской модификации. Обосновывается возможность его дополнения положениями теории социального конструирования реальности. Показано, что семейные ценности можно рассматривать посредством трёхуровневого ценностно-нормативного комплекса, включающего ценность семьи как общеразделяемого культурного стандарта, семейные ценности индивидов и индивидуальные нормативные представления. Подобный подход концентрирует внимание на ценностной составляющей института семьи. С одной стороны, это находится в соответствии с выводами ведущих фамилистов о том, что в основе трансформации семьи лежат изменения ценностных ориентаций, с другой – способствует выработке действенных мер семейной политики, учитывающих наличие разнообразных семейных моделей, а также разработке комплексного подхода, где аксиологические меры будут иметь свое концептуальное обоснование.

Ключевые слова: семья, социальный институт, ценности, социальные изменения, легитимация, институционализация

Для цитирования. Сосновская, Н. А. Теоретические основы изучения института семьи в современной социологии / Н. А. Сосновская // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 168–177. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-168-177

N. A. Sosnovskaya

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THEORETICAL FOUNDATIONS OF STUDYING THE INSTITUTE OF THE FAMILY IN MODERN SOCIOLOGY

Abstract. One of the most acute problems of the present is the crisis phenomena in the institute of family connected with the weakening of its basic functions of reproduction and primary socialization. Being consequences of the dominant way of life of an individual in the conditions of a modern postindustrial society, the processes happening with the family at the theoretical level are comprehended through a methodology that has been formed within the framework of a more static industrial society. The aim of the research is to systematize the available theoretical approaches and substantiate the conceptual scheme based on the synthesis of the axiological-normative understanding of the social institution of T. Parsons and the idea of the institutionalization of P. Berger and T. Lukman. Based on the analysis of available approaches, it is shown that most of the studies of the family institute rely on the structural-functional approach in its Soviet modification. The article substantiates the possibility of supplementing it with the provisions of the theory of social construction of reality. It is shown that family values can be viewed through a three-level value-normative complex that includes the family value as a universally shared cultural standard, family values of individuals and individual normative representations. This approach focuses on the value component of the institution of the family. On the one hand, this is in accordance with the conclusions of the leading family researchers that the changes in value orientations lie at the basis of the transformation of the family. On the other hand, it contributes to the development of effective family policy measures that take into account the existence of diverse family models, as well as the development of an integrated approach, where axiological measures will have their conceptual justification.

Keywords: family, social institution, values, social changes, legitimation, institutionalization

For citation. Sosnovskaya N. A. Theoretical Foundations of Studying the Institute of the Family in Modern Sociology. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 2, pp. 168–177 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-168-177

Возросший темп социальных изменений, характерный для современного общества, повлек за собой существенную трансформацию всей социальной жизни. В обществе, основанном на информационных технологиях и знании, существенно возрастает свобода выбора и снижается власть авторитетов [1, с. 4]. Одновременно большее значение приобретают индивидуальность, индивидуализация жизни и индивидуальное мнение. Возрастает субъективная ценность личной профессиональной самореализации. В этих условиях семья становится эпицентром противоречий. Рост мобильности, вызванный глобализацией экономики, приводит к ориентации на текущие потребности в противоположность долгосрочным планам, таким, как создание семьи и рождение детей. Следствием высокой профессиональной загруженности как мужчин, так и женщин становится конфликтность важнейших сфер жизни – семьи и работы. Расширение сферы услуг в современном постиндустриальном обществе способствует дальнейшему сокращению семейных функций [2]. Все эти явления негативно влияют на институт семьи и создают условия к снижению ее ценности для индивидов.

Изменения социальной жизни порождают потребность их теоретического осмысления. В отечественной социологии процессы, происходящие в институте семьи, описываются в рамках двух объяснительных концепций: кризиса [3] и модернизации [4]. Данные концепции транслируются в большинстве исследований современной семьи в качестве их методологического обоснования. Как отмечает Т. А. Гурко [2, с. 27], в них отражается конфликт ценностных систем традиционно-аграрного и индустриального обществ, характерных для начала XX в. Концепции кризиса и модернизации не поддаются эмпирической проверке, в связи с чем считается, что они носят идеологический характер. Поэтому вместо принятия одной из концепций исследователи обращаются к поиску новых теоретико-методологических оснований, повышающих эвристические возможности изучения причин изменений семьи в современных условиях и способствующих разработке мер семейной политики, направленных на ее поддержку.

Актуальность осмысления теоретических оснований изучения института семьи в современной социологии возрастает в связи с тем обстоятельством, что достаточно длительное время социология семьи, развивающаяся на постсоветском пространстве, существует в условиях недостаточной теоретико-методологической базы, позволяющей проводить плодотворный эмпирический анализ семьи как социального института. На эту проблему в свое время указывал М. С. Мацковский, разработавший концепцию изучения семьи на основании системного подхода и создавший развернутую сеть теоретических и связанных с ними эмпирических показателей [5]. О том, что ситуация практически не изменилась, свидетельствует исследование С. Н. Буровой и А. В. Даниловой, направленное на выявление наиболее освещаемых социологией проблем семьи и теоретических оснований, лежащих в их основе [6, с. 102]. Авторы подтверждают, что в данной научной области существует методологический вакуум, следствием чего становится значительное число эмпирических работ, не основанных на какой-либо теории.

Одной из первых вопросов о необходимости разработки теоретических подходов к анализу семьи в современных условиях подняла Л. В. Карцева. В качестве важнейшей тенденции, определяющей сущность происходящих с семьей изменений, автор рассматривает утрату семьей формальных институциональных признаков и усиление неформальных. В этой связи ученый предлагает сосредоточить исследовательское внимание на семье как малой группе и обосновывает необходимость введения субъектно-центрического подхода [7, с. 5–7]. Но, по сути, Л. В. Карцева остается в рамках структурно-функциональной модели исследования и оперирует такими понятиями, как статусно-ролевые отношения, институциональные характеристики [7, с. 10], структура семьи [7, с. 19], социальные функции [7, с. 17].

Для разрешения противоречия между концепциями кризиса и модернизации А. В. Верещагина обращается к неоинституциональному подходу [8]. По мнению исследователя, данный подход позволяет выйти на новый, качественный уровень анализа. Именно качество семейных отношений служит основой эгалитарной модели семьи, доминирующей в современном обществе. Согласно авторской концепции, направление институциональной трансформации семьи определяется взаимодействием формальных, неформальных и личностных факторов. Традиционная семья соответствует определенным, принятым в обществе, формальным и неформальным

нормам. Кризисные явления в институте семьи связаны с видоизменением традиционной семьи, снижением роли нормативности в регулировании семейных отношений и выдвиганием на первое место личностных факторов. Это способствует появлению новых типов семьи и семейных отношений. Автор отмечает, что «ключевой категорией в данном методологическом конструкте выступают индивидуальные ограничения семейных отношений...» [8, с. 16]. По сути, речь идет о нормах и ценностях индивидов, на основании которых формируются определенные типы семейных отношений и модели семьи.

В условиях трансформации общества изменение ценностных оснований семьи является закономерным процессом. О. И. Волжина обращается к социокультурному аспекту изучения семьи [9]. В своем исследовании она опирается на аксиологический подход, который призван дополнить и углубить структурно-функциональный. Подобная методология позволяет расширить представления о месте и статусе семьи в современном обществе, проследить особенности трансформации ценностного отношения к семье в условиях социальных изменений. Но она не отвечает на вопрос о ценностных основаниях, лежащих в основе различных моделей семейных отношений и, как следствие, оставляет открытым вопрос об основаниях семейной политики, призванной поддержать семью и помочь акторам в соблюдении баланса интересов.

По мнению П. Штомпки, различные социологические теории, в которых затрагиваются вопросы социальной динамики, можно классифицировать посредством их отнесения либо к системной модели общества, либо к модели социокультурного поля [10, с. 24]. Анализ теоретических основ изучения семьи на институциональном уровне подтверждает приверженность авторов данным исследовательским моделям. Подавляющее большинство работ основывается на сформировавшемся в рамках советской социологии подходе А. Г. Харчева–М. С. Мацковского [11; 5]. В качестве примера обращения к модели социокультурного поля можно назвать исследования А. Р. Михеевой [12] и С. А. Ильиных [13, с. 59; 14]. Несмотря на то что модель социокультурного поля больше соответствует современным теоретическим представлениям о процессуальной природе социального пространства, ее следует рассматривать лишь как возможную альтернативу системной модели, принимая во внимание специфику изучаемого явления.

Таким образом, обращение к ведущим направлениям теоретического осмысления институциональной специфики семьи показывает, что исследователи остаются в рамках структурно-функционального подхода в его советской модификации.

Специфика института семьи в современном обществе выражается в существовании значительного многообразия форм и моделей. Распространение в индустриально-развитых странах партнерств без официальной регистрации брака, монородительских семей, размывание содержания супружеских ролей, институциализация приемного родительства, доступность и массовое использование репродуктивных технологий (суррогатного материнства и экстракорпорального оплодотворения) приводят исследователей [7; 15; 16] к убеждению об исчерпанности потенциала структурно-функционального анализа, категории которого длительное время составляли основу изучения семьи как социального института. В классической традиции структурно-функциональный подход, хорошо показывая структуру социального объекта и связи между его структурными элементами, упускает из виду возможные изменения, происходящие с объектом под влиянием различных социальных процессов. В современных условиях динамика социальных объектов связана не просто с их функционированием или в критических ситуациях с дифференциацией и, тем самым, с появлением новой структуры, а с качественными изменениями, следствием которых становятся иные характеристики объекта. Таким образом, структурно-функциональный подход должен быть либо заменен, либо дополнен иным, позволяющим анализировать семью как социальный объект, сохраняющий свои отличительные характеристики, но находящийся в процессе изменений.

Современное белорусское общество сохраняет черты традиционности, что неоднократно было отмечено отечественными исследователями [17, с. 84–86; 18], и происходящие изменения не затронули институциализирующие функции семьи – воспроизводство и социализацию. При всей вариативности элементов семейной структуры сохраняется ее базовое строение, включающее родителей (или одного из них) и детей (ребенка). Тем самым структурные характеристики

семьи являются важным параметром научного анализа. Таким образом, целесообразным представляется сохранение базового структурно-функционального подхода с его дополнением методологией социального конструктивизма, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом.

Т. Парсонс выделяет два аспекта социальных систем – их структуру и динамические изменения. Точкой отсчета при рассмотрении проблемы построения социальной системы выступают взаимоотноориентированные ожидания. Процесс взаимодействия между акторами предполагает выбор поведения, наиболее соответствующего целям индивида. Во многом этот выбор определяется позитивными или негативными реакциями другого. Если реакции соответствуют ожиданиям, то происходит формирование установки на взаимодействие, в противном случае вероятность взаимодействия снижается [19, с. 187]. Из того, что действия каждого актора ориентированы на ожидания другого, следует представление о степени соответствия этим ожиданиям. Необходимым условием стабилизации взаимодействия является повторяемость его во времени. Повторяемость, способствуя устойчивости, создает предпосылки возникновения социальной системы. Следствием стабильного повторяющегося взаимодействия становится выработка определенных значений, указывающих на желательность или нежелательность подобного поведения в будущем [20, с. 572–573]. Взаимная зависимость от реакций «другого», в которых выражается оценка действий и их желательность в будущем, способствует формированию нормативной регуляции взаимодействия [20, с. 573]. Так закрепляются общее понимание критериев поведения и общие оценочные стандарты.

Наличие устойчивых, взаимосоотнесенных ожиданий приводит к общему моральному согласию относительно прав и обязанностей и, в дальнейшем, закреплению определенных моделей поведения – ролей. Посредством морального согласия устанавливаются самые общие рамки ролевого функционирования: «Роль – это такой организованный сектор ориентации актора, который конституирует и определяет его участие в процессе взаимодействия» [21, с. 179]. Именно роль определяется единицей социальной системы. Тем самым система приобретает независимость от отдельных личностей.

Таким образом, социальное взаимодействие, с одной стороны, способствует возникновению социальной системы: «сведенная к самым простым понятиям социальная система состоит из множества индивидуальных действующих лиц, взаимодействующих друг с другом» [22, с. 77], а с другой – порождает регулятивные механизмы, обеспечивающие ее работу. Этот двусторонний процесс соотносится с понятием институционализации как процесса утверждения статусно-ролевой структуры и нормативной регламентации поведения.

Процесс институционализации у Т. Парсонса не сводится к появлению норм как таковых, это лишь первая стадия – «стабилизация» социальных взаимодействий, когда взаимоотноориентированные ожидания перестают приниматься в расчет и их место занимает согласованный образец. Для полноты процесса институционализации необходимы еще две стадии: «генерализация» (возникновение и закрепление культурных образцов – ценностей) и «интеграция» (взаимопроникновение и интеграция ценностных образцов в единое целое социальной системы). Институционализация нормативного порядка в обществе предполагает его легитимацию, и эту функцию выполняет культурная система общества.

Институционализация предполагает несколько взаимосвязанных условий. Это одинаковое понимание норм в пределах структуры, стабильность норм, действия структурных единиц (носителей ролей или «коллективов») в соответствии с нормами, интеграция нормативного комплекса в нормативную систему более широкого порядка [23, с. 3]. Т. Парсонс отмечает: «Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны руководствоваться конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями» [24, с. 19].

Задача нормативной регламентации решается посредством общепринятых ценностей и норм. Ценности предстают в виде значимых для большинства эталонов, упорядоченных определенным образом.

Понятие ценностей связано с общесоциальным контекстом, это – «общепринятый нормативный образец» [20, с. 575]. Т. Парсонс подчеркивает: «Ценности – это нормативные образцы, определяющие в универсалистических терминах схему ориентации, желательной для системы в целом, и не зависящие от конкретной ситуации или от особой функции внутри системы» [20 с. 579].

Т. Парсонс располагает нормативные образцы в иерархическом порядке, где ценности определяют ориентацию системы в целом. Ниже расположенный уровень конкретизирует ценности более широкого уровня. Функциональная дифференциация внутри соответствующего уровня осуществляется посредством норм. Ценности определяют соответствующие нормы. Можно сказать, что нормы санкционированы ценностями. Норма соотносится с понятием роли и связана с регуляцией ролевого поведения. В целом, нормативные образцы соответствуют уровню обобщенности структурных компонентов.

Ученый различает ценности общества и ценностные ориентации актора.

Интернализованные ценности составляют ценностные ориентации актора, которые в свою очередь задают нормы для выбора определенного варианта действий и поведения. Таким образом, ценности и ценностные ориентации относятся к разным уровням анализа, хотя и соответствуют друг другу. Ценности – категория социальной системы, тогда как ценностные ориентации характеризуют конкретного актора.

Рассмотрение ценностей в теории Т. Парсонса связано с проблемой сохранения устойчивости социальной системы. Важное значение в связи с этим принадлежит этапу социализации, в ходе которого происходит интернализация институционализированных ценностей. Закономерным итогом социализации становится формирование соответствующей структуры личности, где институционализированные ценности приобретают форму индивидуальной мотивации актора. При этом предполагается постоянство институционализированных культурных образцов [20, с. 567].

Таким образом, ключевыми элементами социальной структуры Т. Парсонс предлагает рассматривать статусно-ролевые позиции и ценностно-нормативные образцы. Механизмы интернализации и институционализации поддерживают стабильность социальной системы. Сформированная социальная структура служит критерием, относительно которого следует рассматривать происходящие в системе изменения.

По мнению Т. Парсонса, изменения могут иметь как экзогенный, так и эндогенный характер. В первую очередь они связаны со структурными трансформациями. Характеризуя процесс изменения, ученый использует выражение «возмущающее действие», понимая под этим некоторое влияние, нарушающее равновесие системы до такой степени, что ее адаптивные механизмы не в силах обеспечить возврат к равновесному состоянию.

Ученый констатирует, что в системе могут происходить два вида процессов: стабильные и равновесные, которые не нарушают целостности системы, и процессы, которые вызывают изменения в структуре системы: «Существуют системы или ряд систем, для которых понятие равновесие вполне релевантно, но которые рассматриваются как претерпевающие процесс изменения, сначала нарушающий внутреннее равновесие, а затем приводящий систему через это состояние к новому равновесному состоянию» [23, с. 311]. Логика анализа процесса изменения задается положениями о связи структуры личности с институционализированными ценностями и постоянстве, неизменности этих ценностей.

Т. Парсонс отмечает: «Наиболее интересный момент состоит в том, что самый важный компонент социальной системы, называемый нами институционализированными ценностями, институционализирован через его интернализацию в личности индивида» [23, с. 4]. Таким образом, изменения фиксируются как происходящие во взаимодействии между системой и внешним окружением.

Толчком к изменению служит такая модификация ситуации взаимодействия, при которой система вынуждена реализовывать несколько разнородных функций на одинаковом высоком уровне. Во внешней среде при этом должны сложиться предпосылки легитимизации (представления в обществе о желательном и социально одобряемом) выделяющихся функций и признание за ними структурной самостоятельности. Функциональное разделение, связанное с формированием новой структуры, понимается как дифференциация. Она происходит одновременно с конкретизацией обобщенных ценностей относительно дифференцированных структур. По существу, ценности высшего уровня сохраняются, тогда как ценности подчиненного уровня конкретизируются.

Теоретические представления об институциональном устройстве общества, о самих институтах и их строении и функционировании сформировались в условиях доминирования представлений

об определяющем влиянии на жизнь человека социальных структур. Они соответствовали условиям, в которых происходило становление и устойчивое функционирование индустриального общества. Развитие теории Т. Парсонса осуществлялось в период, характеризующийся незначительной культурной динамикой. Ее изменения рассматривались как линейный, контролируемый процесс. Акцент на стабилизирующей роли социального института во многом способствовал снижению популярности данной концепции в условиях современного интенсивно изменяющегося общества.

В условиях быстрых социальных изменений актуализируется проблематика механизмов, лежащих в основе трансформационных процессов. Методология анализа изменяющейся реальности представлена в концепции П. Бергера и Т. Лукмана. Теория конструирования социальной реальности частично пересекается с идеями структурно функциональной теории общества Т. Парсонса.

Социальная реальность рассматривается, с одной стороны, как реальность объективная, созданная в ходе эволюционного развития общества и не зависящая от индивидуального актора, а с другой – она имеет субъективный характер и конструируется, исходя из индивидуальных знаний в процессе социального взаимодействия. Объективное и субъективное находятся во взаимодополнительных отношениях: «Общество ... предстает в качестве совокупного запаса знания, конструируемого индивидами в процессе взаимодействия и закрепляемого социально в виде институтов... Объективированная социальная реальность институциональна и имеет принудительную силу над индивидом» [25, с. 97].

Для процесса конструирования социальной реальности принципиальное значение имеют знания о ней акторов и процесс взаимодействия. Но людям доступны знания только о той части реальности, с которой они непосредственно вступают во взаимодействие. При этом «знание» наполнено собственными смыслами индивида и эмоционально окрашено. В этом заключается его субъективность. Таким образом, реальность конструируется субъективными представлениями и ее изучение связано с изучением представлений о ней [26, с. 42]. Учитывая, что социальные структуры находятся в постоянном процессе изменений, знания акторов трансформируются под воздействием новых конфигураций. Но, как подчеркивают Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, реальные трансформации связаны не просто с появлением нового знания, а с утверждением определенного поведенческого образца.

Процесс взаимодействия рассматривается П. Бергером и Т. Лукманом как процесс порождения и закрепления общего значения. Несмотря на расхождения в трактовке, связанные с индивидуальным субъективизмом, общность понимания позволяет создавать общую реальность. Наличие общей реальности предполагает существование определенных схем типизации, позволяющих упростить процесс взаимодействия: «Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия» [27, с. 59]. Посредством типизации осуществляется связь между индивидуальной реальностью и социальной структурой. Следует обратить внимание, что так же, как и у Т. Парсонса социальная структура является результатом процесса взаимодействий. В концепции П. Бергера и Т. Лукмана также повторяется методологический прием, использованный Т. Парсонсом, для объяснения социального порядка. Механизмами его установления признаются институционализация и интернализация.

Институционализация осуществляется через три последовательных этапа: типизацию, объективацию и легитимацию. Собственно институт возникает на первом этапе – типизации, существенной чертой которой является опривычивание действий, «хабитуализация». Хабитуализация означает, что совершаемые действия, многократно повторяясь в прошлом, будут повторяться и дальше. Она стабилизирует деятельность и снижает напряженность, сопровождающую необходимость выбора в рутинных ситуациях. Институт – это «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [27, с. 92]. Для утверждения института необходимой является временная, историческая перспектива. Только по прошествии достаточно длительного временного периода и посредством общего языка, «общедоступной знаковой системы» [27, с. 113] институт приобретает характер объективной реальности. Это происходит на этапе объективации. Принятие новыми поколениями установленного порядка – задача этапа легитимации.

Первые два этапа соответствуют теоретическим построениям Т. Парсонса, где вначале происходит закрепление ценностно-нормативного комплекса, а затем – генерализация нормативных моделей. Существенные отличия касаются третьего этапа, легитимации, решающей задачи

«смысловой интерпретации сложившегося порядка» [25, с. 100]. Именно на этой стадии происходит или воспроизводство института, или пересмотр институциональных значений.

П. Бергер отмечает: «Проблема легитимации неизбежно возникает, когда объективации (теперь исторические) институционального порядка нужно передавать новому поколению» [27, с. 152]. На этом этапе значения подвергаются изменениям уже в связи с тем, что институциональный порядок необходимо объяснить и создать условия для его принятия. Соответствующая задача решается в ходе социализации.

В процедуре легитимации (как процессе объяснения и принятия новыми поколениями существующих смыслов) П. Бергер и Т. Лукман выделяют два аспекта – когнитивный и нормативный, при этом когнитивный предшествует нормативному. Легитимация осуществляется на четырех уровнях. На первом – дотеоретическом уровне – содержание частично осваивается в процессе овладения смысловыми конструкциями речи. Второй уровень содержит теоретические утверждения в зачаточной форме – базовые объяснительные схемы, представленные в мифах, сказках, сюжетах детской литературы, ориентированных на усвоение нормативных стандартов. В современном обществе роль поставщика социальных мифов выполняют средства массовой информации и коммуникации. Третий и четвертый уровень обнаруживают научный характер знания. На третьем уровне еще существует связь теоретических схем с практическими действиями. На высшем уровне осуществляется включение в общий символический универсум, и объяснительная стратегия оперирует общепризнанными категориями и закономерностями. Высший – символический уровень – упорядочивает и фиксирует системы значений, придает ей смысл и стабильность.

Таким образом, легитимация связана со спецификой трансляции институционального порядка и различиями в его восприятии. Следовательно, наиболее существенные изменения в институциональной системе происходят при смене поколений.

Структурно-функциональную теорию общества и концепцию социального конструирования можно рассматривать как взаимодополняющие.

Отправной точкой обеих теорий является социальное взаимодействие. В концепции Т. Парсонса социальное взаимодействие приводит к оформлению статусно-ролевой структуры и обеспечивающей ее устойчивое существование ценностно-нормативной системы. Таким образом, вводится проработанное и четкое представление о структуре, легко поддающееся эмпирической интерпретации и операционализации. У П. Бергера и Т. Лукмана социальное взаимодействие порождает общее знание и тем самым общую социальную реальность, а его типизация понимается как институт. Теория лишена ясно выраженных структурных построений. В ней акцент делается на процесс институционализации, в связи с чем институт предстает подвижным и пластичным образованием. Авторы обосновывают несколько механизмов трансформации. С одной стороны, это постоянно изменяющиеся под воздействием внешних и внутренних условий взгляды, представления и знания акторов, вступающих во взаимодействие. Это обеспечивает высокую подвижность институциональных связей и в малой степени затрагивает глубинные, ценностные основания взаимодействия. С другой стороны, институциональная трансформация связана с механизмом легитимации. В данном случае речь идет о пересмотре базовых представлений об институте на этапе социализации. Это более устойчивые представления, соотносимые с ценностными ориентациями в концепции Т. Парсонса.

В обеих теориях сходным образом показан процесс институционализации. На начальных стадиях происходит закрепление структуры и ее генерализация. Но если заключительной стадией институционализации у Т. Парсонса является закрепление ценностных образцов в едином пространстве социальной системы, то П. Бергер и Т. Лукман предусматривают возможность циклического процесса изменений.

Соотнесение данных теорий предполагает решение проблемы согласования ценностно-нормативных компонентов. Т. Парсонс предлагает иерархическую систему, где определяющее значение имеют общепринятые институционализированные ценности, конкретизированные в нормативных образцах и проявляющие себя в виде ценностных ориентаций. Институт в теории П. Бергера и Т. Лукмана, предполагающий достаточно высокую подвижность, по своей сущности не может иметь стабильной системы ценностей. В данном случае уместнее говорить

о представлениях о ценностях и нормах. Ключевое различие состоит в том, что ценностные ориентации усваиваются в процессе социализации, а нормативные представления вырабатываются во взаимодействии.

Синтез положений обеих теорий позволяет создать следующую схему. В своем развитии общество приходит к формированию и утверждению устойчивых, значимых для больших социальных групп культурных стандартов, или, как их называет Т. Парсонс, общеразделяемых эталонов, подверженных изменению в ходе длительного исторического процесса. Данные стандарты усваиваются в процессе социализации. Но при передаче новым поколениям они подвергаются определенной модификации, хотя и представляют собой достаточно устойчивую систему ценностных ориентаций, характерных для поколенческой общности. Наиболее динамичный уровень ценностной иерархии составляют нормативные представления, регулирующие ролевое поведение в конкретных сферах жизни общества.

Таким образом, в структурно-функциональной теории и концепции социального конструирования реальности содержатся непротиворечивые основания, позволяющие осуществить их методологический синтез. Построения Т. Парсонса позволяют анализировать социальную структуру и способы ее организации, а П. Бергер и Т. Лукман предлагают механизм изменения этой структуры. Исходя из данных теоретико-методологических оснований, ведущими категориями изучения трансформации семьи как социального института становятся ценностные ориентации и нормативные представления акторов в сфере семейных отношений.

Представление о процессе институционализации, содержащее в своей основе социальное взаимодействие, отраженное в концепциях Т. Парсонса и П. Бергера–Т. Лукмана, позволяет рассматривать ценности как производные социального взаимодействия на определенном этапе культурно-исторического развития. Сам ценностно-нормативный комплекс предстает как многоуровневое образование: общеразделяемые культурные стандарты или категории, семейные ценности индивидов, и индивидуальные нормативные представления.

Семейные ценности индивидов и нормативные представления оказывают влияние на изменение формы и содержания семейных отношений, а категории такого влияния не оказывают. Тем самым разграничиваются понятия общесоциальной значимости семьи и семейные ценности индивидов. Под социальной значимостью понимается отношение к семье как исторически сложившейся форме взаимодействия полов и поколений, тогда как семейные ценности индивидов служат проявлением индивидуально-ориентированной системы ценностей и отражают значение семьи как фактора личностного благополучия. Данный уровень более подвижен и его содержание определяется индивидуальными смыслами, представлениями, опытом. Эти ценности относительно устойчивы, но подвергаются постоянной перелигатимации, они усваиваются в процессе социализации, но подлежат коррекции под воздействием индивидуального опыта. Подобное различие в уровнях соотносимо с разделением ценностей на объективные и субъективные. Разделение ценностей позволяет показать, как при сохранении социальной значимости семьи ценностное отношение к ней периодически меняется. Этим можно объяснить расхождения между высокими оценками семьи в предпочтениях населения и кризисными проявлениями семьи как социального института.

Обращение к понятию «нормативные представления» требует отдельного пояснения. Понятие нормы связано с выделением формально-закрепленных и неформальных правил институционального взаимодействия. Выражением формально-закрепленных правил является гражданско-правовое законодательство, которое устанавливает возрастные ограничения вступления в брак, имущественные права и обязанности и другие правовые аспекты. Неформальные правила включают влияние социального окружения и индивидуальные представления об организации жизни в семье.

В современных условиях институт семьи подвергается значительной индивидуализации и снижению уровня внешнего социального контроля. Индивиды сами выбирают для себя ориентиры или на социум, или на индивидуальные представления. В связи с размыванием границ представлений о социальной норме в семейных отношениях и преимущественным следованием индивидуальным взглядам целесообразным представляется говорить не о социальных нормах, связанных с той либо иной семейной ролью, а о нормативных представлениях, регулирующих семейные отношения.

Таким образом, семейные ценности можно рассматривать посредством трёхуровневого ценностно-нормативного комплекса, включающего ценность семьи как общеразделяемого культурного стандарта, семейные ценности индивидов и индивидуальные нормативные представления. Это позволит выявить особенности семей разного типа, учитывать специфику реальных оценочных отношений, отражающих особенности представлений о семье в различных группах общества. В целом, представленный подход может способствовать разработке ценностных оснований семейной политики.

Список использованных источников

1. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; пер. с англ.; под общ. ред. А. В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 474 с.
2. Гурко, Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах / Т. А. Гурко // Ценности и смыслы. – 2011. – № 4 (13). – С. 26–44.
3. Антонов, А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства [Электронный ресурс] / А. И. Антонов. – Режим доступа: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273/>. – Дата доступа: 15.09.2017.
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А. Г. Вишневский [и др.]; под ред. А. Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
5. Мацковский, М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики / М. С. Мацковский. – М.: Наука, 1989. – 116 с.
6. Бурова, С. Н. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды / С. Н. Бурова, А. В. Демидова // Социологические исследования. – 2008. – № 12. – С. 97–103.
7. Карцева, Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л. В. Карцева // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 92–100.
8. Верещагина, А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / А. В. Верещагина. – Ростов-на-Дону, 2009. – 47 с.
9. Волжина, О. И. Семья как социокультурная ценность: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / О. И. Волжина; Гос. науч. – исслед. ин-т семьи и воспитания Рос. акад. обр. и М-ва труда и соц. развития РФ. – М., 2002. – 40 с.
10. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
11. Харчев, А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа / А. Г. Харчев. – Социс. – 1986. – № 3. – С. 23–35.
12. Михеева, А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений / А. Р. Михеева. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. – 2012. – 156 с.
13. Ильиных, С. А. Представления о семье студентов Минска и Новосибирска / С. А. Ильиных // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 59–65.
14. Ильиных, С. А. Институт семьи: анализ состояния в контексте социологии управления [Электронный ресурс] / С. А. Ильиных // Вестн. НГУЭУ. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/507/425>. – Дата доступа: 10.09.2017.
15. Михеева, А. Р. К вопросу о социальном механизме трансформации семейных отношений: опыт теоретизирования в рамках генетического структурализма / А. Р. Михеева // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV, № 2. – С. 57–80.
16. Носкова, А. В. Эволюция семейной политики в Европе: меняющиеся проблемы, приоритеты и практики / А. В. Носкова // Вестн. МГИМО Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 291–301.
17. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.]. – Минск: БГУ, 2016. – 219 с.
18. Традиционные ценности общества – основа сохранения межнационального согласия и толерантности: материалы Междунар. науч. – практ. конф., Минск, 3 нояб. 2015 г. – Минск: Экономика и право, 2015. – 131 с.
19. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академ. Проект, 2002. – 880 с.
20. Парсонс, Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс // О социальных системах. – М.: Академ. Проект, 2002. – 832 с.
21. Парсонс, Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М.: Академ. Проект, 2000. – 880 с.
22. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс // О социальных системах. – М.: Академ. Проект, 2002. – 832 с.
23. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М.: Академ. Проект, 2000. – 880 с.
24. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
25. Островская-мл., Е. А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX века [Электронный ресурс] / Е. А. Островская-мл. // Вестн. РУДН, серия «Социология». – 2003. – № 1 (4). – Режим доступа: easocman.hse.ru/data/074/992/1231/Ostrovskaya.doc. – Дата доступа: 20.09.2017.
26. Зубок, Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 41–57.
27. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

References

1. Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. New York, Free Press, 1999. 354 p.
2. Gurko, T. A. Institute of the Family in Post-Industrial Societies. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*, 2011, no. 4 (13), pp. 26–44 (in Russian).
3. Antonov, A. I. Institutional crisis of the family and family-demographic structures in the context of social changes and social inequality. *Family and demographic studies*. Available at: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273/> (accessed 15 September 2017).
4. Vishnevskii A. G. (ed), Andreev E. N., Zaharov S. V., Sakevich V. I., Harkova T. L., Ivanova E. I., Bogoyavlenski D. D., Kvasha E. A., Soroko E. L., Andrianova N. A., Podgaetskaya G. V. *Demographic modernization of Russia, 1900–2000*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 608 p.
5. Mackovskii M. S. *Sociology of the family: problems of theory, methodology and methodology*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 116 p. (in Russian).
6. Burova S. N., Demidova A. V. Trends in the study of the family in the Soviet and post-Soviet periods. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis)*, 2008, no. 12, pp. 97–103 (in Russian).
7. Karceva L. V. The family model in the conditions of transformation of Russian society. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis)*, 2003, no. 7, pp. 92–100 (in Russian).
8. Vereshhagina A. V. *Transformation of the Institute of the Family and Demographic Processes in Russian Society*. Rostov-on-Don, 2009. 47 p. (in Russian).
9. Volzhina O. I. *The family as a socio-cultural value*. Moscow, 2002. 40 p. (in Russian).
10. Shtompka P. *Sociology of Social Change*. Moscow, Aspect-Press Publ., 1996. 416 p. (in Russian).
11. Harchev, A. G. Studies of the family: on the threshold of a new stage. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis)*, 1986, no. 3, pp. 23–35 (in Russian).
12. Miheeva A. R. *The person in the sphere of private life: vectors of transformation of family relations*. Novosibirsk, Institute of Economics and industrial engineering of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 2012. 156 p. (in Russian).
13. Il'inykh S. A. Representations about the family of students of Minsk and Novosibirsk. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis)*, 2014, no. 3, pp. 59–65 (in Russian).
14. Il'inykh S. A. Institute of family: analysis of the condition in the context of sociology of management. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*. Available at: <http://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/507/425> (accessed 10 September 2017).
15. Miheeva A. R. On the question of the social mechanism of transformation of family relations: the experience of theorizing within the framework of genetic structuralism. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2012, vol. XV, no 2, pp. 57–80 (in Russian).
16. Noskova A. V. Evolution of family policy in Europe: changing problems, priorities and practices. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 4 (31), pp. 291–301 (in Russian).
17. Rotman D. G., Danilov A. N., Bulynko D. M., Belov A. A., Vodneva A. K., Soglaeva L. A., Filinskaya L. V., Savich N. A., Ivanuto O. V., Pravdivets V. V., Morozova S. A., Shkurova E. V., Danilova E. A. *The value world of modern man: the countries of the Eastern Partnership, the European Union and Russia in international projects on the study of values*. Minsk, Belarusian State University, 2016. 219 p. (in Russian).
18. Kotlyarov I. V., Bulegenov E. B., Kovalenya A. A., Laumulin M. T., Lashuk I. V., Artyukhin M. I., Baida A. S. *Traditional values of society -- the basis for preserving interethnic harmony and tolerance: Materials of the international scientific conference, Minsk, 3 november, 2015. Collection of scientific articles*. Minsk, Ekonomika i pravo Publ., 2015. 131 p. (in Russian).
19. Parsons T. *On the structure of social action*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 880 p. (in Russian).
20. Parsons T. The outline of the social system. *Social systems*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 144 (in Russian).
21. Parsons T. To the general theory of action. Theoretical Foundations of Social Sciences. *On the structure of social action*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 70 (in Russian).
22. Parsons T. Social System. *Social systems*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 379 (in Russian).
23. Parsons T. Functional theory of change. *On the structure of social action*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 9 (in Russian).
24. Parsons T. *The system of modern societies*. Moscow, Aspect Press Publ., 1998. 270 p. (in Russian).
25. Ostrovskaya-m. E. A. Concepts of institutionalization in German theoretical sociology of the second half of the XX century. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2003, no. 1 (4). Available at: ecsocman.hse.ru/data/074/992/1231/Ostrovskaya.doc. (accessed 20 September 2017) (in Russian).
26. Zubok Ju. A. Changing social reality in a crisis Russian society. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny : fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 41–57 (in Russian).
27. Berger P., Lukman T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (in Russian).

Информация об авторе

Сосновская Наталья Александровна – научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru

Information about the author

Natalia A. Sosnovskaya – Researcher. Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surганov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru